

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 23 (802)

26 апреля 1939 г., среда

Цена 30 коп.

Лозунги к 1 мая 1939 года.

1. Да здравствует 1-е мая — смотр революционных сил международного пролетариата! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
2. Братьям по классу, узникам капитала, жертвам фашистского террора, борцам за победу рабочего класса во всем мире — наш братский привет!
3. Рабочие, работницы, крестьяне и трудящиеся всех стран! Расширяйте и укрепляйте народный фронт борьбы против фашизма, против войны! За мир, за демократические свободы, за социализм!
4. Усилим и укрепим интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочим классом капиталистических стран! Выше знамя международной пролетарской солидарности!
5. Да здравствует советская политика мира!
6. «Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины». (Сталин).
7. «Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ». (Сталин).
8. Да здравствует наша родная, непобедимая Красная армия, могучий оплот мирного труда народов СССР, верный страж свободы и независимости нашей родины!
9. Привет мужественным и бесстрашным бойцам — пограничникам, зорким часовым границ нашей родины!
10. Да здравствуют советские летчики, гордые соколы нашей родины!
11. Да здравствует Военно-Морской флот СССР — надежная охрана морских границ нашей родины!
12. Да здравствует единый фронт рабочих, крестьян, интеллигенции!
13. Да здравствует братский союз народов СССР!
14. Да здравствует моральное и политическое единство советского общества!
15. Сталинская Конституция — итог борьбы и побед Великой Октябрьской Социалистической Революции. Да здравствует Конституция победившего социализма и подлинного демократизма!
16. Большевистские кадры — золотой фонд партии и государства. Заботливо выращивайте кадры, уважайте их, цените их!
17. За подьем теоретического уровня и политической закалки наших кадров, за овладение марксизмом-ленинизмом!
18. XVIII съезд большевистской партии утвердил третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Рабочие, колхозники, советская интеллигенция! Боритесь за выполнение этого плана!
19. Мобилизуем силы на выполнение исторической задачи, поставленной XVIII съездом партии, — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении в течение ближайших 10—15 лет!
20. Добьемся выполнения и перевыполнения хозяйственного плана 1939 года — второго года третьей пятилетки!
21. Да здравствует, растет и крепнет стахановское движение — один из самых замечательных итогов второй пятилетки!
22. Многомиллионной армии стахановцев промышленности, транспорта, торговли и сельского хозяйства, знатым людям нашей страны — пламенный большевистский привет!
23. Работники машиностроения! Боритесь за развитие самого передового машиностроения в мире!
24. Рабочие и работницы, инженеры и техники оборонной промышленности! Крепите оборонную мощь нашей родины! Вооружайте Красную армию и Красный Военно-Морской флот новейшей техникой!
25. Укрепим топливную и энергетическую базу СССР! Работники топливной и энергетической промышленности! Большевистскими темпами двигайте вперед добычу топлива, производство электроэнергии!
26. Рабочие и работницы, инженеры и техники легкой и текстильной промышленности! Больше ситца, шелка, сукна, трикотажа, обуви гражданам Советской страны! Боритесь за улучшение качества продукции!
27. За дальнейший расцвет культуры народов СССР, за новые успехи и завоевания советской науки, техники и искусства!
28. Колхозники и колхозницы, агрономы и работники совхозов! Боритесь за образцовое завершение весеннего сева и высокий урожай! Да здравствует зажиточная и культурная жизнь колхозов и колхозников!
29. Трудящиеся СССР! Не забывайте о капиталистическом окружении, укрепляйте нашу социалистическую разведку, помогайте ей громить и корчевать врагов народа!
30. Шире развернем критику и самокритику наших недостатков! Укрепим еще больше мощь и организованность социалистического государства рабочих и крестьян!
31. Да здравствует равноправная женщина СССР, активная участница в управлении государством, хозяйственными и культурными делами страны!
32. Да здравствует комсомол — верный помощник и могучий резерв большевистской партии! Да здравствует трудящаяся молодежь нашей родины!
33. Учащиеся советской школы! Комсомольцы и комсомолки! Пионеры и пионерки! Овладевайте знаниями, учитесь стать борцами за дело Ленина — Сталина!
34. Советскому народному учителю, обучающему и воспитывающему наше молодое поколение — наш горячий привет!
35. Славным физкультурникам и физкультурницам Советской страны — первомайский привет!
36. Да здравствует и крепнет наша могучая родина — Союз Советских Социалистических республик!
37. Да здравствует наш свободный, могучий, талантливый советский народ, народ героев, народ создателей!
38. Да здравствует наш победоносный рабочий класс!
39. Да здравствует наше победоносное колхозное крестьянство!
40. Да здравствует наша социалистическая интеллигенция!
41. Да здравствует великая дружба народов нашей страны!
42. Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков!
43. Да здравствует Коммунистический Интернационал — руководитель и организатор борьбы против войны, против фашизма, против капитализма!
44. Да здравствует великое, непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина! Да здравствует ленинизм!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Награждение киргизских писателей

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.). Указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР за успехи в деле развития киргизской советской литературы награждены: почетными грамотами Верховного Совета Киргизской ССР писатели Темиркул Умталиев, Кубанычбек Малыхов, Виктор Витников, Абдусул Тахтомурет и за успехи в деле развития дунганской литературы — поэт Исхр Ширваза.

Повысить роль и значение критики

В докладе т. А. Фадеева об итогах XVIII съезда ВКП(б) на общесоюзном собрании писателей и в его статье в «Правде» были выдвинуты важнейшие принципиальные условия, необходимые для дальнейшего роста и развития советской литературы.

Тов. Фадеев говорил о повышении требований к нашему искусству, о необходимости больше заниматься вопросами художественного качества.

«Нельзя выпускать в свет и хвалить произведения только за «хорошую идею» или «революционную тему», как это часто было принято до сих пор. Нужно обязательно ставить требования высокого художественного качества, подлинного мастерства, потому что на нас лежит обязанность воспитания художественного вкуса народа».

Говорил также т. Фадеев о необходимости повысить роль и значение нашей критики, «ибо нет лучших способов и средств воздействия на развитие искусства, чем средства критики. Для этого нужно покончить с имеющимся широким хождением среди работников искусств огульным охвыванием критики».

Тов. Фадеев заявил о необходимости «присмотреться внимательно к существующим кадрам критики, среди которых есть прекрасные, ценные работники», и о необходимости растить молодые кадры критики. Наконец, т. Фадеев говорил о том, что «надо привить вкус к самокритике среди работников искусств. В том огульном охвывании критики, которое сейчас имеет место, сказываются не только недостатки самой критики, но в этом сказывается и имеющая большое распространение нетерпимость кадров работников искусств к критике вообще».

Эти положения доклада были встречены с большим удовлетворением и одобрением. Однако происходящее вот уже три дня заседание президиума с активом, посвященное работе журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» и вопросам критики в целом, показало, что далеко не всеми выступающими на этом заседании понята и усвоена эти условия. Более того, некоторые признают их, по-видимому, лишь на словах. Только этим можно объяснить, что серьезное обсуждение вопросов критики, ее недостатков, способов поднять значение критики и улучшить ее работу часто подменяется попытками по-старому охватывать всю критику, представлять ей неверные и даже вредные требования.

Чрезвычайно характерно, например, что на заседании был задан вопрос: нужен ли вообще такой критический журнал, как «Литературный критик»? Вопрос этот, исходящий со стороны некоторых членов президиума, более чем странен. Неужели закрытие единственного толстого критического журнала, неустыжного не только к заслугам, но и недостаткам, может явиться началом «весны» в критике? Неужели это и есть реальный путь к тому, чтобы поднять значение критики и повысить ее роль? Ряд выступлений на заседании, как видно из печатаемых нами stenogramм реплик и ответов, был направлен не против критических статей, выводов, бесспорных, бесспорных, а как раз против статей резких, суровых в своих оценках и представляющих повышенные требования к работникам литературы.

Нельзя не отметить также, что в части выступлений прозвучали именно те неприципиальные мотивы и побочные соображения, борьба с которыми должна была составить одну из важнейших задач совещания.

В некоторых реках была попытка поставить вопрос о том, какова задача критики и на кого она должна ориентировать свои статьи и рецензии. Часть выступавших пыталась решить этот вопрос, сужая задачи критики, полагая, что она должна обращаться только к писателю.

Ход прений на заседании показывает, что между писателями и критиками отношения еще остаются ненормальными характер и что предстоит еще очень много поработать, чтобы создать здоровую атмосферу в этих отношениях.

Критика до сих пор не пользовалась вниманием в союзе писателей. В составе

президиума союза нет ни одного критика. Не видно критиков и в редколлежиях толстых журналов. В созданной недавно редколлегии журнала «Молодая гвардия» и в редколлегии критического журнала «Летняя литература» также нет критиков. Секция критиков в союзе не ведет никакой работы уже более двух лет, и, однако, это ни в малой степени не беспокоит президиум союза. Мало беспокоит его до сих пор также и то, что кадры критиков крайне немногочисленны, что они почти не пополняются, и, более того, некоторая часть критиков перестала писать о современной литературе и занялась вопросами теории и истории литературы. Можно указать, например, на В. Бирюкова, В. Перлова, Н. Новича. Гораздо реже, чем раньше, стали откликаться на явления современной советской литературы и театральные критики, как Ю. Юзовский и В. Ермилов. Конечно, теория и история литературы — дело весьма важное, но критика современной советской литературы важна еще более.

Что до сих пор сделал президиум союза писателей, чтобы преодолеть неправильное отношение к критикам со стороны части писателей, у которых критические замечания и статьи вызывают раздражение, протесты, обиды, а иногда и попытки обвинить критика в травле, заухватстве и других смертных грехах? А ведь выступавший на заседании т. Гурвич совершенно справедливо указал, что острая и резкая критика не только не приносит вреда, но оказывалась большей частью весьма полезной. Так, например, закрытие так называемого ИМХАТ, превратившегося в посредственный театр, стимулировало основную группу работников этого театра на серьезную творческую работу. Обозначившись в театре им. Ленина комсомольская, эта группа работников создала уже два прекрасных спектакля.

Или другой пример. Работа Меерхольда также подверглась весьма суровой справедливой критике в печати. Театр его был закрыт. И, однако, Меерхольд, один из талантливейших режиссеров нашей страны, своей новой работой, новой постановкой «Маскарада», доказал, что именно резкость и суровость критики помогает ему преодолеть свои заблуждения и ошибки.

Нет никакого сомнения, что слова товарища Сталина о критике и самокритике, что она нужна нам, как воздух, полностью относятся и к литературной критике, к советской литературе в целом.

От критики нужно требовать того, чтобы она в своей работе исходила из общих интересов советской литературы, чтобы она подходила к ней с высокими требованиями, чтобы она была последовательна и пряма, невзирая на лица, чтобы она решительно отменяла всякого рода побочные соображения. Обращаясь к читателю, критика должна помогать ему бороться в идейных и художественных качествах литературных произведений и, воспитывая вкус читателя, через него воздействовать на весь ход литературы.

Критику, которая предпочитает обойти молчанием или даже похвалить неудачное произведение писателя на том основании, что он имеет крупное литературное имя, критику, которая предпочитает уклоняться от прямых и резких суждений, чтобы кого-нибудь не обидеть и с кем-нибудь не сорисориться, — такую критику нужно решительно отменить, заставить ее как трусливую и приспособленческую.

Критику принципиальную, последовательную, честную и прямую надо вслестичи поддерживать, поднимать ее значение и в глазах читателей и в глазах писателей, и всеми мерами способствовать повышению ее авторитета. Таким должно быть отношение к нашей литературной критике.

Перед президиумом союза писателей стоит задача — добиться реализации тех условий роста и расцвета нашей литературы, которые были перечислены в речи т. Фадеева об итогах XVIII съезда ВКП(б), и его статье в «Правде», и преодолеть ту инерцию, те нездоровые настроения в отношении критики, те попытки охватывать и дискредитировать ее из-за обид и других неприципиальных соображений, которые проявлялись на заседании президиума с активом по вопросам критики.

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). В зале заседаний Дома правительства 23 апреля открылся второй съезд писателей Узбекистана. Под бурные аплодисменты съезд избрал в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным. В президиум съезда вошли секретарь ЦК ВКП(б) Узбекистана т. Юсупов, председатель Совнаркома Узбекской ССР т. Абдурахманов, писатели П. Павленко, С. Мстиславский, Садретдин Айни, Гафур Гулям, Э. Аббасов, А. Кахар.

По первому вопросу повестки дня — о задачах советской литературы в связи с решениями XVIII партсъезда — выступил т. С. Мстиславский.

ОЛИМПИАДА КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВОРОШИЛОВ. (От наш. корр.). 23 апреля в Ворошилове в Доме Красной Армии открылась первая олимпиада красноармейской художественной самодеятельности Первой отдельной Краснознаменной Армии.

В олимпиаде принимают участие 1700 бойцов, командиров, политработников, жен начсостава, лучших представителей художественной самодеятельности армии. Среди участников олимпиады много бойцов и командиров — славных победителей в хасанских боях.

На заседании президиума ССП с активом

Четырехдневное заседание президиума союза писателей с активом, продолжавшееся 20, 21, 22 и 25 апреля, было посвящено обсуждению вопросов критики.

А. Фадеев, открывая это заседание, призвал писателей к острому и принципиальному высказыванию, которые помогли бы сделать выводы для дальнейшей работы критиков, определили бы главные ориентиры для всей советской литературы.

Исходной точкой для разговоров о недостатках нашей критики и условиях, при которых она могла бы успешно развиваться, послужил отчетный доклад М. Розенталя о работе руководимого им журнала «Литературный критик».

Томительно длинный, состоявшийся почти полтора часа доклад этот дал повод для многих справедливых упреков со стороны выступавших.

«Я не припомню», — говорит в своем выступлении И. Нусинов, — ни одной яркой критической работы, в которой бы была живая творческая мысль. Критике нашей не хватает духа качества: знаний и способности интересно выразить свои мысли. Критика мало и недостаточно серьезно работает, она почти не поднимает в литературе острых вопросов».

«Многие наши критики», — говорил в своей речи С. Кирсанов, — утратили или не приобрели еще собственного мнения о явлениях литературы. Вот почему так часто авторы критических статей говорят от имени народа, прачутся за читателя. Вместо того чтобы сказать: «Я не люблю этого поэта», критик пишет: «Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь назовет его любимым поэтом». Этим самым критик как бы хочет сказать, что у него своего мнения нет и он присоединяется к мнению читателя. Но не всегда, говорит Кирсанов, критики пишут для читателей. Определенная часть нашей критики стала внутрителературным явлением. Она либо разъясняет издалека, театрам, стоит или не стоит издавать произведения такого-то писателя, или ставить его пьесу, либо обращается непосредственно к автору произведения с выговорами».

Кирсанов в своей речи призвал писателей широко развернуть литературную дискуссию, а литературно-художественные журналы — стать проводниками разных направлений в поэзии. Но тут же, вопреки логике, С. Кирсанов предъявил противоположные требования к критическим журналам, которые, по его мнению, не имеют права на свою линию и обязаны, как почитаемый эдикт, принимать и печатать все статьи, поступающие в редакцию.

И. Кашкин посетил свое выступление Хемингуэй-критику, поздравив собравшихся с интереснейшими малоизвестными высказываниями этого замечательного писателя об искусстве».

А. Тарасенков большую часть своей речи посвящает вопросу о творческой среде. Бездействие критической секции ССП привело к тому, что критикам негде обсуждать свои новые работы, негде встречаться для литературных споров. Не является творческим центром, по мнению А. Тарасенкова, и журнал «Литературный критик».

А. Тарасенков закончил свое выступление резкой и необщеприимной критикой доклада, позволив себе при этом ряд бездоказательных и несправедливых выпадов по адресу М. Розенталя и всей его деятельности, связанной с «Литературным критиком».

Право критика говорить от имени читателя отстаивает О. Резник. Но для того чтобы иметь право выступать от имени читателя, говорит он, надо чувствовать себя близким ему, знать его вкусы и требования. Беза заключается в том, что в большинстве случаев критик, оперируя именем читателя, по существу игнорирует его отношение к произведению. И надо признать, что писатель ближе читателю, чем критик, и лучше связан с ним.

Говоря о конкретных статьях и рецензиях, появившихся в печати, О. Резник подчеркивает, что они часто лишь констатируют, что плохо в рецензируемом произведении, не давая при этом положительной программы. Не хорошо, по его мнению, метод, которым написана заметка «Из последней поэмы» («Вульгарное представление о коммунизме», по поводу статьи В. Гоффеншера «Литература и коммунистическое общество». В. Гоффеншер, говорит О. Резник, попытка выступить на новую тему и по-своему поставить вопрос. Ему ответили, что он человек невежественный и ничего в этом деле не понимает. Сказать, что человек ничего не понимает, гораздо легче, чем развернуть положительную программу».

А. Глебов сосредоточил внимание на вопросах театральности критики. Согласившись с утверждением И. Альтмана о том, что состояние советской драматургии в настоящее время лимитирует рост советского театра, А. Глебов настаивает на нескольких «поправках» и «дополнениях» к этому утверждению. Он упрекает в другом вкусе театры, предпочитающие ставить «Чоргов мост» и «Джюкюндю», в то время как хорошие пьесы с трудом пробивают себе дорогу в театр («Сказка» М. Светлова, «Сервантес» Э. Миндлина, «Весна» М. Смирновой и др.). Глебов упрекает некоторых театры в том, что часто они идут на поводу у отсталого зрителя, вместо того чтобы воспитывать его эстетический вкус.

А. Глебов использовал свое выступление для того, чтобы возобновить разговор о статье «Литературная канцелярия», в которой «Литературная газета» критиковала деятельность драмсекции. А. Глебова особенно, по-видимому, возмутила пропигирированная им фраза о том, что «в бюро по составу в преобладающем большинстве избраны люди, чьи пьесы в театрах не идут, люди, в среде драматургов не авторитетные».

Председательствующий на собрании А. Фадеев прервал А. Глебова, сказав, что драмсекция — единственная секция, неохотно освобождающаяся от очень плохих пьес, призвавшихся к драматургии. Если ошибается талантливый человек, то под видом хвастости эти пьесы стараются провести свое, плохое. Неправильно и неправильно, что в бюро драмсекции не вошел целый ряд авторитетных драматургов».

С резкой критикой работы критических журналов выступила М. Юфит. Она считает печатающиеся в «Литературном критике» и «Литературном обозрении» статьи недостаточно убедительными и слишком резкими. Это, в частности, статьи Ф. Левина о В. Герасимовой и об А. Макаренко.

Приходится констатировать, что почти все интересные статьи, страстные, написанные заинтересованно, принадлежат перу не профессиональных критиков, а писателей. Это статьи А. Платонова, М. Лоскутова, Ю. Германа, С. Гехта.

«Мне кажется», — говорит в своем выступлении М. Лифшиц, — что обсуждать работу журнала «Литературный критик» и вообще вопросы критики трудно, но обращаясь к тому, что было сказано в докладе т. Фадеева, потому что она должна быть программой работы союза советских писателей и имеет непосредственное отношение к «Литературному критику» и к «антикритике», которая направлена против критики. Из недр союза писателей в прошлом исходило довольно много деклараций. Возможно, что сохранился некоторое скептическое отношение к словам, за которыми не следуют дела. Я думаю, что соблюдение этой статьи дает возможность привести основания, которые исключают такой скептицизм. То обстоятельство, что после шедшей и заслуженной награды партии и правительства, данной коллективу союза писателей, произносятся слова о необходимости решительной и энергичной критики, не взирая ни на какие заслуги, — свидетельствует о том, что это не просто декларация, а правильный политический шаг».

Однако для скептицизма есть небольшие основания. Они не в самой статье Фадеева, а в некоторых плохих иллюстрациях к хорошим идеям и мыслям, которые там высказаны. Я имею в виду выступления обиженных писателей, оставляющие впечатление, которое можно выразить такими словами: если в нашей критике много непоследовательности и побочных соображений, то, к сожалению, и «антикритика» часто руководствуется побочными соображениями и личными обидами, затемняя объективный разбор вопроса».

Тов. Лифшиц считает в корне неправильными высказывания и замечания некоторых товарищей, у которых чувствуется попытка произвести «реформу», в результате которой «Литературный критик» прекратил бы свое существование, а его коллектив расселся бы по разным журналам».

В прениях выступили также Г. Ленобыл, анализировавший статью Е. Усевича об А. Платонове и А. Малышкине, Б. Гроссман, говоривший о невнимании критики к творчеству писателей братских республик и областей, П. Рожков, беззащитно обвинивший «Литературный критик» в бесприщности и электизме, В. Шкловский, критиковавший «Литературный критик» за то, что он не вмешивается в литературную жизнь, и А. Тубин.

Затем слово за справкой было предоставлено т. Войтинской, которая сказала: — Здесь т. Фадеев говорил о трусости тех, кто не объясняет, почему не печатаются статьи Макаренко. Каждому непосредственному человеку ясно, что до предоставления мне слова в прениях я никак не справился дать не могла. Прежде всего я заявляю, что письмо в редакцию А. Макаренко резко расходится с той статьей, которую затронула здесь т. Караваева. По существу это две разные статьи. Непонятно, зачем понадобилось т. Караваевой упрекать «Литературную газету» за непечатание статьи А. Макаренко, которая никогда к ней не поступала. Непонятно также, зачем понадобилось т. Тубину заявлять здесь, что эта статья была редакцией утеряна».

В редакции было другое письмо А. Макаренко, которое выходит сейчас передо мной. Именно это письмо было А. Макаренко предоставлено для публикации в редакции «Литературной газеты». У меня были разногласия с т. Макаренко по одному пункту письма, пункту, содержащему по существу политическое обвинение против критики книги Макаренко т. Левина. Я просила т. Макаренко это место вычеркнуть, так как критика романа Макаренко не давала оснований для политических обвинений Левина. Тов. Макаренко после наших разговоров по этому поводу это место выкинул, и мы направили статью в набор. В это время появился обзор Л. Левина журнала «Октябрь», где писалось о стилистических недостатках «Чести». Макаренко позвонил ко мне и сказал, что он это письмо снимает.

Я считаю безобразным, когда спекулируют смертью Макаренко, пытаются создать нездоровую атмосферу вокруг «Литературной газеты». Мы были единственным органом печати, который предоставлял свои страницы для дискуссий т. Макаренко со статьей Малахова в «Правде».

Мы были единственным органом печати, который поддерживал Макаренко в трудную для него минуту.

В свое время редакция «Комсомольской правды» печатала резкую и несправедливую статью т. Бойма об А. Макаренко. Как ответила на это «Литературная газета»? Она напечатала статью Лоскутова, очень высоко оценившего Макаренко как писателя и давшего объективную критику «Флагов на башне». Макаренко прислал в редакцию «Литературной газеты» письмо, в котором благодарил Лоскутова за благородный тон его статьи, который его особенно радует после появления заухвательской статьи Бойма.

Таковы факты, решительно опровергающие легенду, созданную вокруг отношения «Литературной газеты» к писателю А. Макаренко».

Доклад т. Розенталя и выступления гг. Н. Асеева, В. Герасимовой, П. Альтмана, А. Караваевой, Е. Усевича, Б. Федина, Б. Малахова, А. Гурвича и Ф. Левина мы даем в сокращенном виде на 2-й и 3-й страницах.

Вчера вечером состоялось заключительное заседание президиума и актива союза писателей, посвященное вопросам критики. Отчет о нем будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ССП С АКТИВОМ

Из доклада тов. М. Розенталя

За пять с лишним лет существования журнала «Литературный критик» — это первый отчет о его работе на президиуме союза писателей, первый большой разговор о критике. Пять лет — это эроз, в течение которого может четко и ясно определиться направление журнала, его симпатии и антипатии, его творческое лицо.

Наш журнал возник через год после исторического решения ЦК партии от 23 апреля 1932 года, которое положило начало новому периоду в развитии советской литературы.

За период существования РАПП в области литературной теории и понимания конкретных путей развития советской литературы накопилось немало путаных теорий и извращений. Острая классовая борьба, происходившая в стране, нашла свое отражение и в области идеологии. И задача советской критики, в частности журнала, заключалась в борьбе против враждебных теорий в литературе и в разработке теоретических вопросов социалистической литературы.

Вторая задача журнала, как и всей критики, заключалась в том, чтобы конкретными критическими выступлениями бороться за развитие реалистической, социалистической литературы, воспитывающей читателей в духе коммунизма.

Эти две задачи не отделялись одна от другой. Без теоретического освещения вопросов немисливо правильное направление конкретной критики.

В области литературной теории журнал особенно много внимания уделял классическому литературному наследию. Партия и правительство создали такие условия для пропаганды классиков, каких не было никогда. Товарищ Ленин и товарищ Сталин с первых дней советской власти ориентировали молодую советскую литературу на критическое освоение классического наследия. Горький сказал за тем, чтобы наша литература продолжала лучшие традиции классической литературы.

В то время как партия и правительство ориентировали советскую культуру на критическое освоение наследия классиков, существовала группа теоретиков, толкавшая советскую литературу прямо в противоположную сторону. Эти, так называемые марксисты, социологи, прикрываясь марксистской терминологией, пытались уничтожить классическое наследие и утвердить искусство буржуазии XIX века, искусство декаданса.

Теоретическая работа журнала в этой области была направлена на то, чтобы разгромить вульгарных социологов и отстоять марксистско-ленинские теоретические принципы. Журнал дал более 50 теоретических статей, в которых стремился осветить марксистско-ленинское понимание литературных явлений и процессов. За три года (1936—1938) «Литературный критик» напечатал свыше ста статей на историко-литературные темы. Нам кажется, что работа журнала в области теории и истории литературы имела существенное значение для развития советской литературы и самой критики.

Борьба против вульгарной социологии и

разработка марксистско-ленинского понимания литературы послужили теоретической основой для анализа путей развития советской литературы.

Лучшие представители советской литературы правильно выбрали путь учебы у классиков. Но глубоко ошибочно было бы думать, что социальная природа нашей литературы автоматически обеспечивает правильный выбор художественных традиций. Раньше были враждебные классы и как отражение этого возникли такие буржуазные направления, как формализм, конструктивизм и т. п. Теперь классов нет, но пережитки капиталистического общества остались в сознании людей, осталось капиталистическое окружение, и именно оно было бы предполагать, что это может существовать без влияния на литературу.

Было бы неправильно думать, что развитие советской литературы шло прямым путем. Развитие советской литературы шло и идет путем противоречий.

Задача нашей конкретной критики — в том, чтобы видеть эти противоречия, своевременно их вскрывать и бороться против всего, что задерживает рост советской литературы. Тут на первом месте должен стоять вопрос о реализме и антиреализме в советской литературе. Что такое подлинный художественный реализм? Это прежде всего смелое изображение действительности со всеми ее противоречиями и трудностями. Некоторые наши писатели не понимают этого, не понимают, что каждое явление борьбы за социализм есть выражение борьбы между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, и поэтому их произведения поверхностно отражают действительность. Центральная задача советской литературы является изображение нового советского героизма. Только при условии реалистического изображения действительности можно создать образы настоящих героев. И наоборот, антиреалистическое изображение жизни, замыкание на трудностях, рождает мелких героев с мелкими чувствами и ничтожными мыслями.

Из этого же антиреалистического изображения нашей действительности рождаются произведения, отмеченные казенным, поверхностным оптимизмом, ничего общего с подлинным советским оптимизмом не имеющим.

В противовес этим отрицательным качествам литературы, в ней развиваются чрезвычайно положительные явления. Наша литература за последние годы дала ряд произведений, глубоко реалистических. Растет у нас и молодая талантливая литература.

Несомненно нашей критической работы надо считать недостаточное количество квалифицированных критиков, недостаточное смелое вытиснение и воспитание новых критических кадров, плохое знание национальной литературы, творчества писателей республик и областей. Наша критика должна уделять больше внимания формальному анализу произведения, должна давать систематические обзоры о литературе.

У нас были и ошибочные статьи. Но все же, в основном, пятнадцатилетняя работа группы критиков, пишущих в нашем журнале, дает основание думать, что при помощи союза писателей мы справимся с теми большими задачами, которые сейчас стоят перед критикой.

Из речи тов. Н. Асеева

Товарищи, стало нестерпимой банальностью считать критику враждебной, считать ее другим лагерем, на который нужно во что бы то ни стало нападать и в котором нужно искать слабые места. Поэтому мне не хочется говорить о том, что было слабым в докладе т. Розенталя.

Мне хочется без всякой враждебности сказать т. Розенталю следующее: вы готовились к этому докладу, обдумывали его, отвечаете за свои слова, но что нового дали вы мне — писателю?

Вы привели пример Крымова? Мы и без вас его знали. Я считаю, что у Крымова должны быть свои любимые имена. Критик должен прийти и сказать, что он знает о таком-то новом писателе, что он любит его на примере. Вы же сосредоточили внимание на бесспорных фамилиях, которые сами себя доказали. А критика должна «доказывать» тех, которые еще не нашли признания. (Аплодисменты).

Остановлюсь на разговоре т. Розенталя о декадансе.

В 1913 г. было очень туманное представление о декадансе. Думали, что это — люди с хвостами, лампы зажигают, копоть напускают.

А что такое декаданс в литературе? Это то, что принадлежит литературе, принадлежит ее изобразительные средства, это то, что делает ее более отточенной, сглаживающей все противоречия, все ее жизненные краски и шероховатости, это то, что консервирует живое мясо жизни.

До сих пор о декадансе или не говорят или говорят настолько туманно, что в истории литературы получается провал. Молодежь думает, что существовали Пушкин, Некрасов, затем сразу — Маяковский и Лебедев-Гумач. А декадант Блок? А декадант Вейдль? А Песен? А Брюсов? Метерлинк? Можно ли замалчивать таких поэтов или говорить о них без достаточного знания поэзии?

В «Литературном критике» зачастую очень нелепо определяются понятия и представления об искусстве, — то это философские абстракции, то литературные рецепты. Помните, у нас обратили в «раз-

Из речи тов. А. Караваевой

Товарищи, так как мы сегодня говорим о критике, давайте говорить о том, каким образом поднимать качество нашей критики.

Необходимо, чтобы содержание ее было проникнуто тем «чувством нового», о котором прекрасно говорил товарищ Сталин в своем докладе на XVIII съезде партии. Очень существенным недостатком нашей литературной жизни является ненадежность у нас у всех общего разговора.

На некоторые оценки критики совершенно необходимо отвечать, так как оценки эти настолько тяжелы и безалаберны, что по сути дела выводят писателя из литературы. Как раз этого рода оценки произносятся у нас с очень легким сердцем: «не стоило тратить бумагу», «Госдлитизат не имел права издавать» и т. д. и т. п.

Если в журналах был бы дискуссионный отдел, то ответ писателя был бы напечатан, хотя бы даже этот ответ и противоречил установке редакции. На то и спор, который неизбежно понимается не только ряд индивидуальных творческих, но и общественно-литературных вопросов.

Прискорбно, а потому особенно жестоко-показательно получается иногда с этим вынужденным молчанием писателя, который лишается элементарного права всякого советского гражданина — выступить публично в ответ на предвзятое его творчеству несправедливое обвинение. Случай такого рода как раз произошел с покойным А. С. Макаренко, в лице которого советская литература понесла большую потерю.

В 12-м номере «Литературного критика» за 1938 г. появилась статья Ф. Левина, которая называлась «Четкие повести Макаренко». В этой статье фактически подводится итог всей творческой деятельности Макаренко. Макаренко эту статью воспринял с чрезвычайной болью и написал ответ Ф. Левину, но статья эта не была напечатана.

Фадеев. Она и в «Литературной газете» не была напечатана. Говорят 2 месяца лежала статья.

Голос. Он сам снял.

Это неверно. Я могу совершенно открыто сказать, почему я по этому делу выступил. Я очень люблю творчество Макаренко и считаю, что это творчество не было в должной мере оценено и понято, и поэтому я, как и многие писатели, с болью воспринял эту историю. Человек умер и не дождался того, чтобы его ответ был напечатан, а ведь статья Ф. Левина, по существу, выволакивала Макаренку из литературы.

Голос. Нет, в статье Левина «Педагогическая поэма» очень высоко оценивалась.

Дело не в «Педагогической поэме». Здесь дело идет о «Флагах на башне» и других произведениях. Никто не говорит, что эти произведения — совершенство, но как они были оценены — вот что важно.

Фадеев. Здесь важен факт, что автор был не согласен со статьей и никто не мог напечатать свой ответ.

Да, ответ так и не был напечатан «Литературной газетой». А между тем, Ма-

каренко в своей статье говорит не только о собственном творчестве, но и о вопросах литературных и важных для всей нашей литературы. Я читаю отдельные места.

Голос. Все зачитайте.

Хорошо, зачитаю все.

«Уважаемый товарищ Левин!» (читает письмо Макаренко).

Я читала письмо, но это еще не все: оно должно быть, наконец, опубликовано в «Литературной газете».

А. С. Макаренко правильно поднимает вопрос о самом, так сказать, инструментари критики. Бывает оружие старое, но слабое, о котором говорит Маяковский. А бывает просто ржавое оружие, которым нельзя работать. А у нас некоторые критики упорно пользуются измерителями уже отжившего типа.

Этот устаревший инструментари иногда мешает критику. Смешно думать, что критик Левин имел что-то лично против Макаренко. Конечно, нет. Он просто не понял творчества Макаренко.

Очень интересен случай с т. Герасимовой: т. Усевич написал статью о повести Герасимовой «Жалость» и назвала в этой статье Герасимову пролетарским писателем. А вступив в статью о повести «Хитрые глаза» Усевич приравнивает Герасимову к реакционным писателям — Чарской, Нагродской, Лапо-Данилевской, Лукомановой.

В этой книге Герасимовой разрабатывает свою коренную, важную для познания действительности, тему о людях с хитрыми глазами, двуличных, внутренне враждебных советской жизни, трусливых, себялюбивых, честолюбивых. Критик увидел в произведении одни недостатки, но не увидел души — глубоко волнующего образа коммуниста Розы Агеевич. Разбирая недостатки, критика не должна зачеркивать целого, не заниматься мелочной оценкой, а показывать, в чем сила писателя и в чем его слабость.

Такой разбор произведения без истории, без запальчивости, без высокой температуры, искусственно выдутой, крайне небезопасен.

Целью ряд очень радостных событий в нашей литературной жизни последнего времени показывает, с каким вниманием партия относится к нашей работе, как она хочет, чтобы советская литература крепла и развивалась.

Без поднятия качества критики этот расцвет невозможен. А критика только тогда будет помогать этому расцвету, когда будет заботиться не о «смете» писателя в литературе — это вообще оскорбительно и звучит, как похвалы о свержке и шесте, — а будет заботиться о раскрытии творческой индивидуальности.

Всем надо помнить, как сказал товарищ Сталин на приеме в Кремле о том, что «это большой, кто малый» показывает работа человека для общества. О том, «кто большой, кто малый» в литературе, нужно судить не по «смету», а по конкретным произведениям, по их идейно-художественной силе и той пользе, какую они приносят советскому народу. (Аплодисменты).

Из речи тов. В. Герасимовой

В последнее время возникает вопрос о том, какие нужны советской литературе критики — «какие» или «добрые»? Некоторые по наивности (может быть, по умственной ленивости) полагают, что советская литература мечтает о «добрых» критике.

А на самом деле советский писатель прежде всего ищет умного, последовательного критика.

Мы здесь выслушали возражения писателя Макаренко своему критику. К сожалению, нет возможности зачитать здесь одновременно и статью критика, и между уровнем писателя. Насколько выше тот идейный и, если можно так выразиться, общекультурный уровень, на котором в данном случае выступает писатель, полемика со своим критиком!

А почему это было полезно? Потому, что не в том дело, что Ф. Левин «завел» подлость к Макаренко, а в том, что тогда совершенно наглядно была бы ясна диспропорция между уровнем критика и между уровнем писателя. Насколько выше тот идейный и, если можно так выразиться, общекультурный уровень, на котором в данном случае выступает писатель, полемика со своим критиком!

И попытки зажать рот писателю, если он возражает критику, возвращает не оскорбительно, а умно и принципиально, — нередко диктуются желанием сохранить за тем или иным критиком место монополиста и единственного законодателя литературных вкусов и оценок.

Целесообразно «Литературный критик» оденул писателя Е. Петрова, когда тот пытался реабилитировать хорошую книгу писателя Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Мы не склонны отрицать, что у Сергеева-Ценского были в прошлом серьезные идеологические ошибки; но мы недоумеем, почему одновременно с одерживанием Е. Петрова за якобы «попустительством» по отношению к Сергееву-Ценскому в этом же номере нападают на критика Гурвича за то, что он, анализируя творческий путь писателя Платонова, говорит о глубокой ошибочности вещи этого автора — о повести «Спирок»?

XVIII съезд партии с небывалой четкостью и остротой поставил вопрос об индивидуальном подходе к человеку, о бережном отношении к кадрам, о борьбе с клеветой. А в литературной среде мы часто видим явления, которые подсудны почти по всем этим статьям.

Вот один, не слишком разудалый пример, который употребляют некоторые критики. Совершенно не зная мнения читателя или, больше того, зная, что оценка читателя противоположна оценке критика, — все же смело говорится от имени этого читателя. («Советский читатель равнодушно пройдет мимо», «читатель отвернется», «читатель с возмущением» и т. д. и т. д.).

И, например, никак не возражаю против того, что мое последнее повествование может быть расценено тем или иным критиком, как неудачная. Оценки ее различны. Но я возражаю против недопустимого

Из речи тов. И. Альтмана

Товарищи, Герасимова начала свою речь вопросом: какие нужны критики, чтобы все было благополучно?

Я задаю бы другой, более важный вопрос: какие нужны писатели, чтобы была хорошая литература?

Мы не будем говорить сейчас о «всехобщей любви» и о проблемах писательской морали. Будем лучше создавать обстановку большевистской дружбы, которая исключает всякое потворство и недоброжелательной критике и недоброжелательному искусству.

Нехорошо, когда писатели, вроде Кирсанова, полагают, что только они любят литературу, а все остальные мешают ей. Пока писатель будет стоять на таких позициях, нашу критику не выправить так, как хотелось бы.

Фадеев. А как хотелось бы?

Хотелось бы, во-первых, чтобы литераторы — даже маститые — не обижались, когда их критикуют, а более внимательно прислушались к голосу критики. Кирсанов напалал здесь на критику за то, что она говорит от имени народа. Разберемся. Критика, действительно, работает на народ. Но критика работает и на искусство. Что значит работать на искусство? Это значит работать на социалистическую культуру, это значит также, что мы работаем и на пользу отдельного художника. Но лишь в том случае, когда считаем художника полезным для социалистического искусства.

Раз так, я не хочу работать на всех художников и не хочу жить в мире со всеми. Я хочу работать с тем и помогать тому, кто, по моему мнению, создает настоящее искусство или хотя бы стремится к этому. Если я не вижу этой святой заинтересованности художника, я его буду ре- критиковать, постараюсь дисквалифицировать или, как говорят спортсмены, покаутуривать. Безнадлежно плохих художников или приспособленцев надо критиковать беспощадно и разоблачать. И нечего говорить о чуждости «вообще».

Надо кончать с системой жалоб, «по инстанциям», с бюрократическим отношением к критике. Откроем взаимный прямой счет, и мы будем работать лучше. Я бы сказал Кирсанову и другим — вместо того, чтобы жаловаться, что критика вам мешает, вы подошли бы к Лебедеву-Гумачу и сказали ему: нельзя писать «Усталость свином утекает из ног». Нельзя писать о Рубенсе так, как писал Лебедев-Гумач в своих лирических тетрадах.

Когда критик занимается повседневной боевой работой, он говорит: «Ты занимаешься подцензурной». Он публикует теоретические статьи. Тогда он говорит: «Ты оторвался от действительности». Критик занимается историей литературы. Ему кричат: «Ты забрался в добри». А когда критик, вооруженный опытом и знанием, не слухая окриков, занимается общими вопросами искусства, ему кричат: «Ты разбрасываешься» (Смех).

Из речи тов. Ф. Левина

Товарищи, ту речь тов. Фадеева, которая опубликована в «Правде», я слышал до митинга. Она была произнесена на партийном собрании. Слышая ее, я испытывал чувство большой радости, потому что в течение многих последних лет о критике так не говорили.

Ход прений, показавший, что речь тов. Фадеева многим не понятна, вынуждает меня ответить некоторым товарищам.

Что касается тов. Макаренку, то я не могу многого сказать не потому, что мне нечего сказать, а потому, что над грубой работой я не могу отвечать за его статью.

Я могу только выразить глубокую скорбь по поводу того, что ответная статья тов. Макаренку не была своевременно опубликована, тогда я мог бы ответить, и все это приняло бы несколько иной характер.

Сейчас я могу только сказать, что написал статью, в которой выразил свои взгляды на произведение Макаренку, и не вижу, от чего мне нужно отказываться.

Часто ссылаются на мнение читателей. Есть читатели и читатели. Мы никогда не были в отношении читателей хвостистами.

Почему, если человек заявляет, что он — читатель, то его мнение значит больше, чем мнение критика или писателя?

Вот тех читателей, которые вносят критические замечания в «Правде» по поводу «Александра Невского» и «Петра Первого», я уважаю, а тех, которые хвалят плохую книгу, — я не уважаю и с ними не считаться.

Позволюте поговорить о журнале «Литературный критик» и его редакторе. Я впервые встретился с т. Розенталем в 1933 г. С тех пор я имел десятки случаев убедиться в последовательности и принципиальности Розенталя, когда речь идет об интересах литературы, когда речь идет о том, чтобы выступить в защиту партийных литературно-политических принципов.

Фадеев. А нужен ли специальный критический журнал?

Да, нужен, особенно, если взглянуть на критические отделы наших журналов. Критические отделы толстых журналов приближаются к нулю.

Прав т. Фадеев, писавший, что в наших критических кадрах надо подыскать больше. За последние годы, после ликвидации РАПП, выросла большая группа критиков, работающая добросовестно и систематически. Почти все они сотрудничают в «Литературном критике». И имеют в виду тт. Усевич, Розенталя, Лифшица, Юзовского, Гурвича, Войтинского, Грива, Малахова, Александрова, Манкина, Гоффеншера, Кеменов, Ф. Левина и ряд других товарищей.

Недовольство своей работой, которое писатель испытывает, нельзя переносить на критику. Но критика готова была бы терпеть, если бы это помогло искусству, но это, как видно, не всегда помогает.

Почему мы недовольны современным состоянием нашей литературы? Здесь нам напоминают, что мы самая передовая литература в мире.

В каком смысле мы обладаем самым передовым искусством в мире? В том смысле, что наше искусство утверждает новую действительность, новое, социалистическую этику, новое, социалистическое мироощущение. Мы самое передовое искусство, потому что мы зашипаем идеи коммунизма. Но наши художники во многом еще менее культурны, менее умелы, менее сведущи, менее профессиональны, чем ряд выдающихся передовых зарубежных писателей. Значит, дело заключается не только в том, чтобы повторять, что мы самая передовая литература в мире, но еще и в том, что нам надо стать самой передовой литературой в области мастерства. А вот театр, к примеру, идет вперед западноевропейского театра и в сфере художественной. А наша драматургия лимирует рост театра.

Нельзя обижаться на критику, если она «бракуют» произведения.

Когда я вчера на заседании Комитета по делам искусства сказал Толстому, что он написал плохую пьесу, он был, конечно, недоволен, а между тем, десятки плохих драматургов справедливо спрашивают: чья пьеса хуже «Чортва моста»? Надо покончить с нетерпимостью к критике. И не вижу этой терпимости.

Фадеев. Ты считаешь Мейерхольда большим художником?

Очень большим художником. Мы обязаны были в свое время указывать не только на ошибки Мейерхольда, но и на пользу, которую он может принести.

Мы обязаны не просто его использовать, а поставить его на надлежащее место, как крупного, талантливого нашего советского художника. (Аплодисменты).

Заканчивая. Я очень внимательно читаю «Литературный критик» и считаю правильной ту линию, которую этот журнал ведет, борясь за интеллектуальный, думающего, борющегося героя нашей страны.

Не обижайте критику, которая хороша или плохо, но честно, искренно борется за высокое искусство социализма. Критикуйте, но не уничтожайте ее. (Аплодисменты).

Сейчас в «Правде» поднималась кампания против шаткозаказительной и против кузьмакритиковщины.

Разве вы не заметили, что в «Литературном критике» не было ни одной шаткозаказительной статьи и, с другой стороны, не было ни одной книжки, ни одного произведения, которые страдали бы этой болезнью и которые бы в «Литературном критике» похвалили, а все такие произведения были раскрыты и именно за это.

Я хочу сказать об отношениях между критиками и писателями. Они сейчас носят характер нездоровый и ненормальный. Между писателем и критиком идет нечто вроде длительной тяжбы.

Мне думается, что это объясняется недостаточной поддержкой, которая оказывается критикам, и недостатком открытости и принципиальности в среде самих писателей.

Речь идет о том, что критик обязан говорить правду, и эта правда сваливается на голову писателя неосознанно. Писателю кажется, что его книга все похвалилась, а тут вдруг какой-то критик вылез, какаято «зловредная» Усевич или «зловредный» Левин, и начался писать и критиковать. А между тем это и есть настоящая самокритика в литературе.

Обсуждения книг, происходящие на вечерах в клубе писателей, отличаются крайней мягкостью. Обычно хвалят обсуждаемую книгу. Никто не обижен, а стенограмма идет в архив. Критик же не имеет права смягчать, он говорит правду, как бы она ни была сурова. Создается иллюзия: все хвалят, а критик ругает. Значит, критик виноват, он зашумел.

Когда я выступал с критикой повести В. Герасимовой, мной руководили не по доброй соображения, а любовь в советской литературе.

Прежнее руководство союза частично пыталось приобрести какой-то дополнительный авторитет на том, чтобы охватить критику. О критиках привыкли говорить оглулом.

В руководящем аппарате союза нет ни одного критика. В редколлегиях литературных журналов нет ни одного критика.

Прежиму должен сделать выводы из настроений, которые существуют в отношении критики. Еще раз сказать, что она плоха, что ее нужно бить, — чему это поможет? Писать мы все равно будем, а чувствовать себя лучше не будем.

Я глубоко убежден, что «Литературный критик» и «Литературное обозрение» можно упрямить во многих недостатках, в том, что они не освещали ряда назревших вопросов, что предостерегают многое разрабатывать, но нельзя упрямить в отсутствии принципиальности.

Такую критику нужно приветствовать, и это поможет работе. Если это не будет понято сегодня, это будет понято завтра, а мы будем продолжать работать. (Аплодисменты).

НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ССП С АКТИВОМ

Из речи тов. К. Федина

Мы часто забываем о трудностях работы в литературе. Мы сваливаем вешние частями, а лучше бы говорить принципиально и общее. Ведь наша работа заключается в поисках, а это касается всех писателей, безразлично какого ранга — малого или большого. И то, что мы сейчас переживаем, — это трудности роста, трудности борьбы за новые пути. Известно, как литература делается. Как делалась «Война и мир», — никто не знает.

Голос Шкловский знает.

Шкловский знает, как сделана «Шинель» Гоголя или как сделан «Дон Кихот», но Шкловский не знает, как сделать «Дон Кихот» или сделать «Шинель» Гоголя.

Голоса. Правильно. (Аплодисменты).

Мы должны попробовать и мы пробуем. Советская литература на протяжении всей истории своего развития пробует, поэтому и трудно, поэтому и столкновения, споры и пр. Очень часто мы говорим об изучении наследия, но обычно это понимается как подражание наследству. Разбирают — похоже ли то, что мы пишем, на какое-нибудь произведение XIX века. И почему не похоже. Это совершенно неправильный принцип. Человек написал повесть с названием «Детство». Начинается сравнения с «Детством» Льва Толстого, Горького, Гарина-Михайловича, со всеми «Детствами», известными по XIX веку. Я написал повесть под названием «Я был в детстве». Появилась рецензия, в которой критик счел нужным сравнить ее с повестью «Как я был в детстве» Куприна. По сходству названий. Она оказалась непохожей и поэтому — плохой. Мне кажется, нашей критике необходимо отбрасывать в произведениях то, что в них есть нового, а не то, чем они похожи или не похожи на старые.

Мы сейчас находимся на очень интересном этапе. И в поэзии и в прозе появляется много новых имен. Чтение их иногда изумляет. Можно назвать Крымова, Соловьева, Писменного. Это люди довольно неожиданные, с биографиями, не изученными историей советской литературы, люди, пишущие иногда по-новому. И опять в критике появляются всеческие сравнения их работы с прошлыми, опять отпадают.

Вопрос о «Литературном критике», о «Литературном обозрении» — довольно частый. «Литературное обозрение» в течение одного года уничтожает одного писателя, говорит, что он никак не годится, а на другой год говорит, что его дарование не вызывает сомнений. Оба года журнал подписывается одной и той же редакционной коллегией. Эпизод — мало приятный и для автора, и для редактора, но сорваться в этом плане нет расчета для литературы.

В выступлениях Герасимовой, хотя она говорила о себе, была настоящая доля правды. Тут дело в отношении к писателю. Совершенно не существенно, насколько поправилась или не поправилась повесть «Литые глаза», а важно, как отнеслись к самому факту ее появления. Если бы была сделана попытка найти ядро нового, которое в ней есть, то спор не вызвал бы такого ожесточения, потому что разговор пошел бы не в частном, а в принципиальном плане.

То же самое в случае со статьей Макаренко. Совершенно справедливо, что статья Макаренко была оглашена, и мне очень странно слышать такие выражения: «зачем тревожить прах», «не могу говорить перед урной» и т. д. Когда писатель с достаточным литературным багажом, с хорошим общественным именем приходит в наш же печатный орган, орган нашего объединения, и просит, чтобы дали возможность ответить по существу на статью, посвященную ему, он получает отказ, — ничем нельзя этого оправдать. Это факт страшный по своей показательности. Это говорит о наших нравах, и об этом нужно заявить открыто. Нравы другие, плохие. Прячутся под стол, за стул, когда нужно говорить о себе неприятности, когда нужно открыто, честно признать свою ошибку, свою неудачу. Какое мы при этом делаем благоволивое лицо, какие мы все чистенькие, умниченькие.

Приведу один пример. Умер замечательный писатель Всеволод Лебедев, который дрался за новое в литературе. Через неделю после его смерти в «Известиях» появилась статья Алалис, которая, разбирая последнюю работу Всеволода Лебедева, сказала, между прочим, что «мы ждем от этого писателя дальнейшего шага вперед».

Неделю назад Лифшиц его похоронил, а когда об этом сказали «Литературная газета», — там не нашлось места для некролога. Если бы «Литературная газета» поместила хотя бы заметку о смерти Лебедева, то Алалис не ошиблась бы. Но она выступила в роли покровителя молодого писателя, вела его за руку, говорила, что следит за новыми его шагами, ждал, что он сейчас еще шагнет... а она лаяла в мотиле.

И со всей резкостью, более резко, чем выступало сейчас, написала статью в 50 строк. «Литературная газета» ее не печатала. Почему? Потому что она не хотела себя поставить в неприятное положение. Она сделала оплошность. Насколько выше она была бы в наших глазах, если бы написала: «Товарищи, произошел такой недостойный случай, мы его признаем и говорим, что будем исправляться». (Аплодисменты).

Совершенно аналогичен случай с Макаренко, потому что нельзя было крупно-го писателя водить полтора месяца, как ребенка, или недостоиную, и не давать прямого ответа. Почему товарищи здесь притупились, говорят — сурна, прах, молла? Ерунда, здесь — трусость (аплодисменты). Вот где нужна смелость. Вот где надо было сказать, — да, мы ошиблись, да, это наше непопустимое заблуждение, так нельзя поступать с писателем.

Эти нравы снисходятся к нам. Как будут складываться отношения в литературе, если мы просто наши бытовые дела не можем наладить так, чтобы уважать друг друга?

Единственный способ плодотворной работы в критике — это поиски нового в каждом писателе. Нужно иметь в виду трудность работы писателя, трудность его поисков. И в то же время: для того, чтобы укрепить литературную критику, нужно бороться за безупречность литературных нравов. (Аплодисменты).

личности боевыми путями. Опять попытка оправдания великой гуманистической общественной деятельности — типичной лживой.

Александр Невский тоже оброс детьми, когда возвращается с фронта. Уже выработался штамп.

В пьесе «Человек» Казаков сам взглядом продемонстрировал, что он использовал пьесу, потому что не смог дать подлинное глубокое раскрытие гуманистической сущности революционных дел Державинского.

Когда Державинский говорит старому профессору, испуганному суровостью революции: мы уничтожаем десятки, чтобы спасти тысячи, то просветленный профессор немедленно же восклицает: — Вы заставляете меня быть философом, я все понял. Что же получается в результате?

Здесь возникает интересный вопрос — вопрос о трибуне противника. Когда идет интеллектуальный спор — дайте противнику скрестить шпаги. Дайте истинному герою истинную победу. Спор — это восхождение по лестнице.

Шлошадка будет за тем, кто достоин победы, но подниматься необходимо. А когда вы видите трибуны профессора, то вы, по существу, не его лишаете трибуны, а Державинского, потому что вы не даете возможности ему подняться над личностью идейного противника и проявить свою индивидуальность, свое превосходство во всей его силе. (Аплодисменты).

Еще одного вопроса, имеющего общий интерес, необходимо здесь коснуться. Это спор о гуманизме Платонова.

Это большой и интересный спор об отношении к страданиям, к горю и радости. Дело не в том, что Платонов пишет о несчастных, а в том, что только в отчаянии, в одиночестве, в вышете он видит источник поэзии и наслаждения.

Тов. Усиевич обобщил этот спор и откровенно признался мне в этом.

— Вы пишете о том, что дети Платонова знают только смерть и нищету? Обратите, тов. Гурвич, свой гнев на Горького, — говорит мне Усиевич. — Разве Ленинки из рассказа «Страсти-Мордасты» не знает самых страшных вещей? Нет более сильного удара по Платонову, чем творчество Горького, и мне кажется, судя по последним статьям Платонова, что лучше всего его понимает он сам. Там, где Платонов пишет о людях, которые страдают, разлагаются, жалость и т. д., — там Горький ищет красоту и силу.

Платоновский мальчик говорит воровкам: «С вами играть не интересно, вы слишком быстро, без мучений умираете», а Ленинка мечтает попасть в чистое поле: «Я был выдлан туда зверьями и всех вышугал бы их — гуляй, домашнее».

Талант Платонова неоспорим, я считаю его очень талантливым и оригинальным художником, но именно необычайная однообразие и упертость его мировоззрения, именно то, что он видит только лучшее, делает высоко одаренного и уточненного писателя малочитаемым.

Возвращаясь к драматургии. Наши драматурги очень часто в своих произведениях подменяют писательские функции несвойственными и чуждыми им функциями. Они или арестовывают противника

мнение глупого и злого критика, мнение, которое никого не интересует?

Нет, товарищи. Читатели критика имеют. Мы получаем письма не только со всех концов СССР, но и массу писем от западной антифашистской интеллигенции, которая считает, например, журнал «Литературный критик» очень интересным и много дающим для понимания проблем литературы. Нет, читатели читают. Писатели, верно, не читают, или читают то, что каждого лично касается.

Тов. Караева полагает, что раньше писатели относились к критике иначе. Также не все. Помните, что писал поэт Вяземский о критике Беллинского: «...Как мы живого не читали, когда, бог знает отчего, Журналы толстые трепали Под плохотворство его...»

Кирсанов. Вы хотите, чтобы о вас так писали?

Пожалуйста, Кирсанов, пишете. Я не так чувствительна, как поэты, и не считаю себя убитой каждым резким словом. (Смех).

Итак, несмотря на заверение, что лево не в резкости, из прений вытекало требование: пишите так, чтобы писателю было приятно. Не читателю, а именно писателю. Стремление приспособить критику к писателю, сделать ее пособным аппаратом для писателя. Не выйдет. Мы будем писать все же для читателя. Иначе придется согласиться на требования Шкловского. А он идет дальше других. Не только резко нельзя писать, остроумно, смешно — тоже нельзя. Это тоже не оставляет выхода. Вы говорите, мы хотим умной критики. Но вот статья Гурвича, умного критика. Шкловскому не поправилось — смешно очень, выхода не оставляет. Шкловский превращает чудовищное требование квакерской, пресной, сухой критики. Умеренной и аккуратной. И это, когда разговор идет о том, чтобы улучшить качество критики.

Помним закон, изданный шеярским помпуром: «Всякий имеет право говорить правду, лишь бы сия правда была безобидной».

Ведь по этому логично: запретить критику быть остроумной. Сделать остроумие привилегией писателей. И хоть бы вы пользовались ею несколько более широко. (Смех).

Позтому-то Шкловский и бросился здесь на самых глупых критиков и с такой отеческой лаской говорил о Тарасенкове.

Шкловский. Тарасенков никогда про меня не писал и вы не писали, и дело не в этом.

Про вас и Гурвич не писал, он вас не трогал, он трогал «Мы, русский народ» Вишневского, но вы сразу почувствовали, что это угроза и валил «Слава русского оружия». (Смех, аплодисменты).

Шкловский и меня попрекал, что моя статья «Любовка Злобича» чересчур смешная и поэтому «не дает выхода» писателю Касилю. Но там нет ни слова о Касиле. Он сдулся с другой моей статьей, а все вместе с третьей, и вовсе не моей. И все это с перепугу перел смехом. Так вот так писатели критикуют критиков.

И вот в момент, когда разговор идет о подлинной роли и значения критики, вдруг возникает вопрос: а не закрыть ли единственный критический журнал? Это звучит просто злое и напоминающее «Отец и сын», когда помещик предлагал написать проект освобождения крестьян, или под давлением и скрепя сердце написали этот проект. Он начинался словами «Но ежели...» и кончался словом «окопано». (Аплодисменты).

Начать обсуждение вопроса о том, как сделать критику более смелой, прямой, независимой, с проектом закрытия критического журнала, право, напоминает это грозное «но ежели...». (Аплодисменты).

в 4-м акте, или делают научные открытия, давным давно открытые, или сокрушают противника в баталиях.

Самый бесцветный и бездарный драматург может в 4-м акте арестовать тысячу врагов. (Смех). Это трудно сделать в жизни, а в пьесе очень легко.

Научные открытия: выходит человек в халате, три акта он рассеянно ходит, ему предлагают чай, он не замечает, а в 4-м акте он высказывает из лаборатории с растерзанной пеленкой и завывает, что нашел противоядие или противоядную сыпоруку. (Смех).

Наконец козьяковщина, о которой здесь говорил. В фильме «Александр Невский» Охлопков с ослобой в руках вез врагов в железных латах, сокрушает их в пух и прах. И смотрит картину и думал, сколько раз должен был уже побойт этот герой в подобных обстоятельствах.

Оказывается, так оно и было. На картинке мы этого не видим. Но говорит, что Охлопков был ранен в этом бою. (Аплодисменты, смех).

Он едва-едва спасся, несмотря на то, что его «противники» были его товарищи актеры, которые, по указанию режиссера, должны были падать, как мухи. Что же было бы, если бы в железных латах были настоящие враги!

Пример комичный, но поучительный.

Нельзя толковать на природу. Нельзя доводить пафос до анекдота. Именно этим объясняется резкий тон моей статьи против произведения Вишневского, которое, с моей точки зрения, является апофеозом козьяковщины.

Забавна и полезна ли такая критика? Когда я пишу статью, я целиком погружаюсь в свой предмет. И тон статьи зависит от тех чувств, которые вызывает во мне разбираемое произведение.

Критика должна быть предельно ясной, точной. Но в зависимости от объекта критики она будет в одном случае гневной, в другом восторженной, в третьем случае иронической и т. д.

Но являющийся нам тон, тов. Шкловский. Мы тоже живые люди с живой реакцией, а не автоматы-анализаторы. Почитай, что писал Маркс о свободе выбора критического тона, когда он нападал на прусскую цензуру. Это не аналогия, а параллель. То обстоятельство, что мы все обмениваем общей целью, не исключает разнообразия чувств и интонаций в наших спорах.

Критик, как и всякий писатель, свободен в выборе лабра и тона. Он должен быть только искренним.

Возьмите резкую критику Мейерхольда. Что может быть резче, чем закрытие театра, сейчас он сделал новую редакцию «Маскарада», в которой есть высокое мастерство. Резкая критика не помешала. Она помогла ему работать.

МХАТ 2-й закрыли, но группа людей, работавших там и получивших суровый урок, выступила сейчас два спектакля, которые делают театр Ленинского комсомола зрелым театром. Это «Мой сын» и «Нора». Их создали «битые» люди.

Резко, острово раскритикованный Шостакович создал У симфонию.

А МХАТ, которому заткнули уши ватой слесовености, показал себя в этом сезоне далеко не так блестяще, как можно было от него ждать. (Шумные аплодисменты).

Из речи тов. К. Малахова

Я бы растерялся, если бы меня заставили рассказать, что такое честность, мужество, принципиальность критики, и дали этот анализ без конкретных примеров. Высокие правильные принципы утверждаются не отвлеченным декларированием, а конкретным применением.

Статья тов. Фадеева имела огромный резонанс. Это хорошая, нужная статья. О докладе тов. Фадеева, на котором я не мог быть, мне рассказывали многие. Горький и о тех писателях, к произведению которых тов. Фадеев применял мужественную, прямую критику.

Читай «Правду», и в статье тов. Фадеева не нахожу ни одной фамилии.

«Да был ли мальчик-то? Может мальчик и не было?»

В первой статье, говорящей в полный голос о смелости критики, следовало бы избежать таких оборотов речи, как «того или иного деятеля искусства». Это глупые, бессмысленные фразы.

О Шкловском. Он меня занимает, интересует. Но он для меня трудный. В «Поисках оптимизма», в «Дневнике», в «Капитане Фелдфебели» есть много сильного, волевого искренностью интонаций. Рядом с этим с изумлением наткнулся в других работах Шкловского на странное «крути, повороты и снова крути». То он пишет: «Настоящим героем военного рассказа должен был быть дезертир». Это из статьи в «Знамя» от 1936 г. И вступ в 1939 г., правда, в приотомном предловлении, сообщает, что в той же самой войне 1914—1916 гг. русские, французские и английские солдаты замалчивали родины.

Когда читаешь этого Шкловского, вспоминаешь чековского персонажа «Вишневского сада», который говорил о себе: «Я разбитый человек, читаю разные книги, но не могу понять направлення — чего мне хочется».

Леонид облик Шкловского.

Несколько слов о «Пересте». Этот «Перест» в здании союза имеет как бы постоянное местожительство и, вероятно, он здесь и прописан. Вышла книга Вишневского о «Мы, русский народ». Написал я статью о ней. Мне говорят: «А вы знаете, что это вещь хвалит?» «Перест». После статьи в «Правде» «По протеренной

Из речи тов. А. Гурвича

Товарищи, если суммировать все, что говорится писателями о критиках, то получится, примерно, следующее: «Вы невестны, трусливы, беспринципны, вы перестраховщики, гробователи и конопотурщики, идите к нам, возьмите нас за руки и поведите в царство коммунистических идей, в царство социалистической литературы». (Смех).

Если же взять отдельный разговор писателя с критиком, то он сводится к следующему: «Вы ровно ничего не понимаете в искусстве и литературе, — напишите обо мне». (Аплодисменты).

Есть люди, которые находят нужным вышатащить критиков. Этих, поддерживая нас, как веревка повешенного, хотят на этой же веревке повесить нас на нужную высоту. (Смех, аплодисменты).

В чем же дело, товарищи? Неужели можно допустить, что среди советской интеллигенции мы представляем собой особую группу людей, которые сознательно уклоняются работать хуже всех, ничего не видят, не понимают, быть революционными и беспринципными? Или наличие таких свойств толкает человека только на нашу профессию? (Смех, аплодисменты).

Пора перестать говорить о критике, как о некоем бездумном, собирательном понятии. У нас есть имена, фамилии и определенные трудности. О них и надо говорить.

Худители часто не берут на себя труд прочесть то, что они осуждают, или делают свое дело в обратном хронологическом порядке. Тов. Шкловский, например, не раз выразил мне свое недовольство мною, а вчера он мне заявил, что, наконец, прочитал мою книгу.

Нас надо критиковать, но это должно быть творческое споры. Мы не мальчики для битья, но мы ни в коем случае не согласны и на роль учителя или гувернера, который ведет за руку писателя. Мы равноправные современники, поднимающие в своих произведениях одни и те же проблемы, с той разницей, что вы делаете это средствами искусства, а мы средствами эстетического анализа и публицистики.

Критики — тоже писатели, а не люди, обслуживающие литературу.

(Голоса. — Правильно!).

Нормальные роли критики слишком далеко зашли. В составе президиума ССП нет критиков. В составе почти всех редакций наших журналов и художественных советов отсутствуют критики.

Нередко поворачиваются к нам страницей газеты и журналы. Тов. Катаев бросил нам упрек в том, что мы замалчивали «Чортов жост» и «Джюковду».

ОТ РЕДАКЦИИ: Публикуя речь т. Федина, редакция «Литературной газеты» вынуждена указать, что т. Федин неверно излагает факты. Известно, что в № 8 от 10 февраля 1938 г. «Литературная газета» писала о смерти т. Лебедева, известно также, что газета посвятила творчеству Лебедева большую статью М. Лоскутова «Искатель руды». Видно, т. Федин критиковал газету, не читал ее.

Из речи тов. Е. Усиевич

Товарищи, здесь очень много говорится об искренности критики. Но искренность у критика это не просто личное свойство. Искренность критика должна опираться на какую-то объективную силу. Иначе она останется только бессильным желанием, попугой на искренность.

Объективная сила, которая нужна, чтобы сообщить искренности критике, — это сила убеждения, убежденности. Только критик, обладающий твердыми общественными убеждениями, определяющими его литературные требования, и может по праву считаться критиком.

Люди, лишенные твердых убеждений, даже если они субъективно искренни, нельзя терпеть в критике.

Означает ли это, что между критиком и писателем политический разрыв? Нет, политический разрыв не может быть, но из них-то и возникает плодотворный литературный спор. Такой и была полемика, возникшая у меня по поводу книги т. Гурвича «Поиски героя». Товарищ Гурвич попрекал здесь меня, что я в своей статье по существу обошла вопрос о Платонове. Верно, что у меня вопрос не развернут так широко, как у него, но я писала о творчестве т. Гурвича, а не Платонова. У т. Гурвича это заняло в книге четыре листа, а в статье о Гурвиче могла уместить Платонову лишь незначительное место. Но я должна была выразить свое глубокое убеждение, что нельзя, как это делает т. Гурвич, проводить прямую линию от ошибочной и вредной книги «Впрос» — до таких превосходных полностью советских рассказов, как «Бессмертие» и другие рассказы Платонова последнего времени. Это не поможет читателю разобраться, а писателю помешает.

И вот, говоря о необходимости для критика последовательных убеждений, я должна сказать, что журнал «Литературный критик» последовательно записал свои убеждения, веля борьбу за реализм, социалистический гуманизм, против лакировки, шапкозакидательства, сентиментализма, псевдо-оптимизма.

Были ли у журнала недостатки? Были. Но как раз противоположные тем, о которых говорили здесь «антикритики». Нас упрекали в резкости. Я считаю, что журнал был недостаточно резок. В «возоблаженности». Я считаю, что мы недостаточно выступали против ряда явлений. Были недостатки. Но в числе их не было отсутствия убеждений.

И это тоже нам поставил в вину Кирсанов. Он выставил такое требование: критический журнал не должен иметь направления. Он должен печатать все, что тутя принесет. Нечто вроде почтового ящика. А вот художественные журналы нужно раздать по писательским группам, причем на прямой вопрос Фадеева, о каких группах идет речь, выяснилось, что об алемстах, например. Дальше, конечно, пойдут символы, футуристы и пр. А так как

себя Кирсанов в группах не причисляет, то он предусмотрел, что должны существовать журналы, которые будут пропагандировать, лавировать, поднимать одного какого-нибудь писателя. (Нало думать, Кирсанова). Такими, как утверждает Кирсанов, выводы, которые должны сделать литература из XVIII партсъезда. Это по критикай мере ясно и определено, — критика существует для удовольствия писателя. А если она ему причиняет неприятности — это плохая критика и — долой ее!

Другие товарищи говорят менее ясно, но в результате получается то же. Мы, — говорят они, — не против суровой критики, лишь бы она была умна. А у нас критика глупая, ее не уважают писатели, ее не читают читатели. И она вредная — она убивает писателя. Но ласт ему жить и писать. Но, товарищи дорогие, если критиков не читают читатели, а писатели не читают и не уважают — то как вас может убить критическая статья? Чем она тогда убивает, если это личное

Вечер памяти Шолом-Алейхема

В Колонном зале Дома союзов 19 апреля состоялся торжественное юбилейное заседание, посвященное 80-летию со дня рождения Шолом-Алейхема. На трибуне — писатели, артисты, гости из республик, юбилейный комитет.

Открыл заседание т. А. А. Фадеев. Он сказал:

— Товарищи! Мы чествуем сегодня творчество Шолом-Алейхема — самого любимого писателя еврейского народа, замечательного классика еврейской литературы, имя которого известно и любимо всеми народами Советского Союза и слава которого является мировой.

Как и у многих писателей прошлого, образы Шолом-Алейхема шире и глубже его общественно-политического мировоззрения. В общественном отношении Шолом-Алейхеми присутствовали некоторые предрассудки, в том числе и националистические. В этом его можно извинить, если вспомнить бесправную и тяжелую жизнь еврейского народа в условиях русского царизма. Но Шолом-Алейхеми, сам изведавший подлинную нужду и национальный гнет, является писателем в полном смысле слова народным.

Народность Шолом-Алейхеми прежде всего в его социальном гуманизме — сочувствии угнетенным, любви к людям труда, вниманию к человеческой личности (особенно формированию личности ребенка), в умении черпать полными пригоршнями из богатейшего источника народной мудрости, в том гениальном юморе, который великий Горький назвал «печальным и сердечным» и который обожает Шолом-Алейхеми с Диккенсом, Твенном и Чеховым.

шей стране произведения Шолом-Алейхеми разошлись на восьми языках в количестве, превышающем два миллиона экземпляров. Можно не сомневаться, что этот труд будет все расти и расти.

Эти цифры являются показателем того, что еврейский народ, бывший ранее самым бедственным, стал полноправным в братской семье народов СССР, а его культурное наследие, как и наследие всех народов, стало нашим общим наследием.

Мы чествуем творчество Шолом-Алейхеми с особенной гордостью, потому что еврейский народ и его культура гонимы в странах фашизма. И мы понимаем прекрасное имя Шолом-Алейхеми, как знамя культуры и человечности против каннибализма и мракобесия.

Вместе с Шолом-Алейхеми мы знаем, что еврейский народ будет свободен везде, как он свободен теперь в великой и богатой стране Ленина и Сталина.

О творчестве великого классика литературы народов СССР говорили Вс. Иванов, С. Михалес, Янка Купала, П. Добрушин, П. Писунин, П. Маршак, В. Миллер и В. Работнов (брат Шолом-Алейхеми); со стихами, посвященными памяти писателя, выступили поэты З. Аксельрод, С. Галкин, Д. Гобштейн, Л. Квятко, А. Купняров, С. Росин, И. Федер и Э. Финнберг.

После торжественного заседания состоялось большой концерт.

Из речи тов. К. Малахова

Помню, что Шолом-Алейхеми боролся с вульгарной социологией. А возьмем статью Сапа о Зоженко. М. Зоженко едва ли не самый умный и один из самых талантливых еврейских писателей. Я постарался это доказать в печати в меру своего коопольничья. А Сап сводит Зоженко к среднему слою горьковского меланстава. И между прочим пишет, что он не понял «возвращенной молодости». Ну, не понял, почитай еще раз, может поймешь. А пока подожди писать.

Но не надо забывать о достоинствах «Литературного критика». Помню, что это «Литературный критик» вывешивал яркие рассказы талантливого Платонова. Это Усиевич первая написала настоящую статью об А. Твардовском.

Литературная газета № 23

Литературная газета № 23

Литературная газета № 23

Литературная газета № 23

Литературная газета № 23

Открытое письмо тов. Ф. Левину

(См. «Литературный критик» № 12 — Ф. Левин, «Четвертая повесть А. Макаренко»).

Уважаемый товарищ Левин!

В статье своей вы вспоминаете:

«Наша критика — и автор этих строк в том числе — приветствовали появление «Педагогической поэмы»».

Дайте уточним. Вы и другие критики «приветствовали» мою первую книгу... через два-три года после ее появления. Между прочим, в вашей статье было и такое выражение:

«...материал, столь несовершенный по своему художественному мастерству...».

Признавая некоторые достоинства моей книги, вы тогда довольно решительно настаивали:

«...профессиональные писатели имеют гораздо больше возможности создать исключительные, замечательные книги».

Вы упоминали о некоторых правилах и канонах, якобы известных профессиональным писателям и неизвестных мне.

Несмотря на общую хвалительность вашей тогдашней статьи, я почувствовал, что вы относитесь ко мне с высокомерным снохождением «профессионала». Между делом у вас промелькнули довольно выразительные, намекающие словечки: «фактография», «материал вывозит».

Подобное к себе отношение я встречал и со стороны других «профессионалов» и уже начал привыкать к своему положению «фактографа». Совсем недавно в журнале «Литературный современник» была напечатана зиптрама (не помню автора), в которой была такая строка: «Сначала брал он факты только...».

Можно привыкнуть, но правда ли?

Теперь вы выступили со статьей по поводу «Флагов на балясах». В этой статье, даже не приступив к разбору моей повести, вы более или менее деликатно припоминаете, что «некоторые молодые авторы плохо учатся и плохо растут», что «одну непохотную книгу может написать почти всякий человек», что «даже весьма удачная книга, описывающая яркий период жизни самого автора, еще не делает его литератором» и т. п.

Одним словом, вы полагаете свою линию, намеченную еще в 1936 году, — линию исключения меня из литераторов.

Я хочу знать, с достаточным ли основанием вы это делаете?

Литература, как писателя, — дело, конечно, серьезное, и я в качестве заинтересованного лица могу требовать, чтобы вы сделали это солидно, с профессиональным мастерством, опираясь на те «правила и каноны», о которых вы упоминали два года назад. В известной мере в этих «правилах и канонах» и я могу разбираться, ибо еще пушкинский Варлаам, попавший в положение, подобное моему, сказал:

«...худо разбираю, а тут уж разбираю, как дело до пети доходит».

В моей повести «Флаги на балясах» вы указываете, собственно говоря, один порок, но чрезвычайно крупный: это — сказка, рассказанная добрым дядей Макаренко». Все в ней прикрасно, разбавлено розовой войлой, подслащено патокой и сахарным, все это способно

«... привести в умиление и священный восторг самую закоренелую классовую лажу института благородных девиц, самую строгую «прилах-манприлах»».

Если отбросить все эти ваши «критические» словечки: «сахарин», «патока», «классная дама», «священный восторг» (удивительно, как это вы не вспомнили Чарскую, — по некоторым «канонам» это полагается), то остается чистое обвинение меня в прикрасивании действительности.

Все это странно возмущает. Вы не допускаете мысли, что такая счастливая детская жизнь возможна в Советском Союзе. Вы думаете, что рассказанное мною — сказка (Лоскутов в «Литературной газете» думает, что это моя мечта).

Приходится мне раскрыть карты, с опасностью на всю жизнь остаться «фактографом». «Флаги на балясах» это не сказка и не мечта, — это наша действительность. В повести я описал кому-то имени Держинского, который руководил восемь лет. В повести нет ни одной выдуманной ситуации, очень мало вымышленных образов, нет ни одного пятна, искусственно созданного колорита.

С некоторым расчетом на смертельный удар вы пишете и пишете:

«Ведь он и в самом деле попал во дворцы из сказки, рассказанной добрым дядей Макаренко».

Сказка начинает развертываться сразу. «Между цветами проходили яркие золотые дорожки, на одной из них побяже к

Игорю или две девушки, настоящие девушки, чорт возьми, хорошенькие и нарядные...».

Между нами говоря, даже по литературным канонам я мог бы это и выдумать: что же тут особенного: цветы и золотые дорожки, две девушки, которые показались Игорю хорошенькими. Но мне не нужно было выдумывать: в колонии, которую я описываю, был гектар замечательного цветника, лучшая в Харькове оранжерея, и были хорошенькие девушки. Мне и в голову не могло прийти, что для хороших девушек в литературе существует какая-нибудь зверская процентная норма, ибо в жизни, допустим в советской жизни, такие девушки — довольно распространенное явление. И жили мои колонисты, представляйте себе, во дворе, в специальном здании, нарочно для них выстроенном хорошим архитектором, светлом, красивом, удобном. Это могут подтвердить товарищи Юдин, Глазков, Безмясников, которые в этом здании были и все видели.

Я вот не знаю, можно ли по литературным канонам представлять список свидетелей, но что же мне делать, если вы не верите.

В этом и есть главный момент нашего расхождения: вы не верите, что это возможно, а я утверждаю, что это существует, возможно и необходимо. И чувствую, что я могу по-разному. Я утверждаю потому, что я знаю, хочу и требую от других. Вы не верите потому, что это не соответствует вашим литературным вкусам.

Вы разбираете мою книгу исключительно с точки зрения литературного профессионала. А я бы хотел, чтобы вы посмотрели на нее и с точки зрения советского гражданина. Ибо в последнем счете я могу поставить далеко не лишней вопрос: если вы изображенный мною хотя бы и фактографически кусок нашей жизни обливаете презрительным сомнением и посылаете меня с таким изображением к классным дамам, то во что же вы сами верите? И каково значение в таком случае имеют литературные каноны, которые пользуются и моим некоторым уважением.

Например, такой «канон», как тема. Вы, профессиональный критик, не заинтересовались такими важными «канонами», как тема, содержание книги, система идейной нагрузки повести, авторское утверждение, авторское требование.

На какую тему написана моя книга? По странному недоразумению, вы не занялись этим вопросом. Без какого бы то ни было анализа вместо моей темы вы подставляете свою и с точки зрения своей темы требуете от меня экзотических подробностей «переводки», а я и не думал о такой теме. Вот сравнение:

ВАША ТЕМА:

Колония, в которой живут дети, «изуродованные и искаженные бесприворотностью», с трудом подающиеся «исправлению», и педагог, с опасностью для жизни, с нечеловеческим напряжением совершающий свой педагогический подвиг. Колония растет мучительно от катастрофы и катастрофе, от провала к провалу. Педагогика здесь еще не уверена в себе и технически несовершенна.

МОЯ ТЕМА:

Образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и совершенной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой — социалистический детский коллектив, в котором срывы и катастрофы невозможны (и не желательны, хотя бы это и явилось литературным критиком).

Товарищ Левин! Ваша тема уже прошла десять лет тому назад, — это тема «Педагогической поэмы». Тема нашего времени, вполне назревшая, оправданная жизнью, а для меня и моим опытом, — счастливый детский коллектив, свободный от антагонизмов и настолько могучий, что любой ребенок, в том числе и правонарушитель, легко и быстро занимает правильную позицию в коллективе. Тема «Флагов на балясах» ничего общего не имеет с темой «Педагогической поэмы». Между прочим, вы и сами кое-что замечали в этом направлении, когда написали:

«...конечно, эта система замечательна».

Отсюда уже нетрудно было бы сделать заключение, что замечательная система должна иметь и какие-то более или менее счастливые последствия.

Если вы так слабо разобрались в теме, то еще слабее разобрались в идейной нагрузке повести, но об этом говорить долго. В общем, вы не доказали своего профессионального умения орудовать канонами и правилами, а для вас это, пожалуй, более необходимо, чем для меня: в крайнем слу-

чае я останусь фактографом, а чем вы останетесь, если забудете нормальную критическую технику?

Недостаток места не позволяет мне остановиться на других «канонах», упущенных вами. Но еще два-три замечания.

1) Вы упоминаете об истинности, когда говорите, что и изображаю «естественно-сладкое счастье». Вы приводите абзац, в котором прямо говорится о счастье, но в явном 24 печатных листа, и таких строчек очень немного. А кроме того, почему бы мне не говорить о счастье, если тема всей книги — счастье и поэзия детской жизни? Только это не то счастье, которое может понравиться классным дамам. Вы думаете об этих дамах лучше, чем они заслуживают. Я хотел изобразить счастье в борьбе, в коллективных напряжениях, в требовательной и даже суровой дисциплине, в труде, в тесной взаимосвязи с родной, со всей страной.

2) Я не принимаю вашего упрека в том, что в моей повести много красивых. И такими вижу детей — это мое право. Почему вы не упрекаете Льва Толстого за то, что у него так много красивых, в «Войне и мире»? Он любил свой класс, — я люблю мое общество, — многие люди кажутся мне красивыми. Докажите, что я ошибаюсь.

3) Я пишу для того, чтобы в меру моих сил содействовать росту нашей социалистической культуры. Как умно, я пропагандирую эту культуру в художественной форме. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы разобрали мои художественные приемы и доказали, что они не ведут к цели. Но вы этого не делаете. Вас не интересуют мои цели. Вы рассматриваете меня в эстетическую лужу и доказываете, что я не профессиональный писатель, потому что у меня не выходят «синтетические» образы. Откуда вы знаете, какие образы у меня синтетические, а какие списаны с натуры? Вам было бы приятно, если бы я изобразил «исковерканных» детей с той экзотической терпкостью, которая для меня является призывом дурного вкуса, ибо я больше, чем кто-нибудь другой, имею право утверждать, что детская «исковерканность» — в значительной мере выдумка неудовлетворенных романтиков: вы отстали от меня, товарищ Левин, и поэтому, если я в дальнейшем вы будете именовать меня «фактографом», а не литератором, — я страдаю не буду.

4) Не кажется ли вам, что некоторые «каноны», при помощи которых действуете вы и еще кое-кто из критиков, несколько устарели и требуют пересмотра. «Синтетический образ», «характер», «стилизация», «конфликт», «коллизия» — все это, может быть, и хорошо, но к этому следовало бы кое-что и добавить, принимая во внимание те категорические изменения, которые произошли в нашем обществе. Советское общество по характеру человеческих взаимоотношений не только выше, но и сложнее, и тоньше старого общества. Впервые в истории родился настоящий человеческий коллектив, свободный от верховства и эксплуатации. В настоящее время понятие «образца», особенно в том смысле, в каком оно обычно употребляется, не вполне покрывает требования жизни, в нем иногда чувствуется некоторый избыток индивидуализма. Гораздо важнее, чем раньше, стали категории связи, единства, солидарности, сочувствия, координации, понимания, зависимости внутренней и многие другие, которые в отличие от образа можно назвать «междубразными» категориями. Коллектив — это не простая сумма личностей, в нашем коллективе всегда что-то родится новое, живое, только коллективу присуще, органичное, то, что всегда будет и принципиально социалистическим.

Я позволю себе употребить сравнение из области музыкального творчества. Вопросы мелодики, даже камерной гармонии, даже гармонии более широкой паз уже не могут удовлетворять в своем объеме. Нам уже должны особенно интересоваться вопросами оркестровки, — сочувствия разных и количественно значительных тембров, волоритов, сложных красок коллектива.

Я, как автор, в особенности заинтересован в этом вопросе, ибо мой герой всегда коллектив, и наши измерения для меня уже недостаточны. Но и во многих произведениях советских писателей я вижу эту линию потребности. «Разгром», «Чапаев», «Подлая целина» заключают очень большие коллективные образы и коллективные явления. Есть и критики, которые чувствуют это.

Но есть и другие критики. Они не замечают новых требований социалистической литературной эстетики. У них в руках закостенелые критические каноны, и они пользуются ими, как шапаны своими инструментами: шумят, стучат, кричат, пугают — устрашают «злых духов». И смеются, находят нервные люди — пошлякуются.

А. МАКАРЕНКО

«О смелости подлинной и мнимой»

Обсуждение статьи Н. Вирга в Ленинграде

Статья Н. Вирга «О смелости подлинной и мнимой» («Правда» от 6 апреля) и Ю. Германа («Лит. газета» от 5 апреля) вызвали оживленные отклики в среде театральных работников и драматургов.

На днях ленинградское отделение Всероссийского театрального общества и драматического ЛенССП провели обсуждение вопросов, связанных со «смелостью подлинной и мнимой» в театре и драматургии. Присутствовал на собрании народный артист РСФСР Вс. Мейерхольд. Вступительное слово сделал А. Бурачешко (Управление по делам искусств).

Прения открыл засл. деятель искусств Н. Акимов.

— В печати, — говорит он, — много писалось о предрассудках, которые пришлось преодолеть нашему театру при постановке пьесы Ю. Германа «Сны варшавянки». Но вот другой эпизод из жизни нашего же театра. Молодой драматург Вс. Вальде написал, на мой взгляд, веселую и интересную комедию. Действие комедии происходит в красноречивой среде, некоторые из персонажей пьесы — молодые комсомольцы — влюбляются, ухаживают за девушками.

— Нельзя! — говорят работники репертура. — Если автор показывает красноречивых, они должны охранять морские рубежи, а не ухаживать за девушками... Мы часто говорим «о работе с автором». Но в чем смысле и рядом сводится эта работа? У автора оказывается бесчисленное количество советчиков и консультантов, и все они начинают переделывать и исправлять пьесу. После всех этих «переделок» мы редко говорим, что пьеса стала лучше, обычно говорят, что пьеса стала «правильнее», исходя, конечно, из вкусов, соображений, понимания искусства тех или иных работников репертура и т. д. На самом деле пьеса обезличивается.

Выступивший на собрании директор Театра комедии т. Курганов рассказал, что за постановку «Сны варшавянки» Комитет по делам искусств вынес ему строгий выговор. Характерно, что выговор этот до сих пор не снят.

— Николай Вирга, — заявил в своей речи народный артист РСФСР В. Бабочкин, — открыто и смело заявил о том, что волнует каждого из нас.

Анекдотические факты о перестраховщиках из репертура привел драматург Г. Матвеев. Этот автор написал скетч. Он начинался так: девушка спрыгнула на холм с трамвая, ее отшвырнул миллионер... «Довольно!» — сказал чиновник в репертурке. — Скetch запрещается! За нарушение правил уличного движения я нас не штрафую... (?) Автору ничего более не оставалось, как выйти из репертура, нарушить правила уличного движения, уплатить штраф и, торжато поблагодарив изумленного миллионера, спрыгнуть киятляцию в бумажник. Кивтанция, приколота к скетчу, была внимательно изучена и лишь тогда скетч разрешили.

С. Дрейден и В. Бродянский остановились на положении театральной критики в Ленинграде, критике, в большинстве случаев весьма «почтительной».

Большую роль провозвещ Вс. Мейерхольд.

— Драматургия, — говорит он, — приносят сейчас в театр не пьесы, а скрепы. «Зачем я буду приводить пьесу в образный вид, — рассуждают они, — если местный репертуар, Глазковский, Управление по делам искусств — любая из этих инстанций — будут пьесу «исправлять». И драматург лишь приблизительно намечает свое произведение. Оно в окончательном виде прощит, наконец, к режиссеру, и тот... начинает переделывать пьесу!».

Говоря о смелости художника, о новаторстве, Вс. Мейерхольд называет киноленту А. Довженко «Шорс». Довженко, — говорит Вс. Мейерхольд, — писатель, поэт, художник, воин, который борется за новую, социалистическую культуру.

— Мы много говорим об оборонной тематике в драматургии. Но некоторые товарищи полагают, что, показав на сцене пограничников, они решают проблему оборонной пьесы. Есть ли у нас пьесы, в которых выражен тот величайший пафос, который мы ощущаем в доженковском «Шорсе», пьесы, которые, подобно «Шорсу», — звали бы нас идти в грядущие бои бесстрашно, с гордыми плечами.

Вс. Мейерхольд, останавливаясь затем на вопросах учебы драматурга, считает необходимым постоянное творческое общение драматургов и режиссеров.

На собрании выступили также заслуженный артист Сергей Радлов, Д. Шеглов, В. Голышев и Л. Малогин.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЭНТУЗИАСТА НАУКИ

Вместе со всей страной я переживаю глубокую скорбь по поводу смерти академика Ивана Михайловича Гужкина, страстного ученого, всегда молодого энтузиаста строительства социализма в нашей стране.

Не могу сейчас не вспомнить без волнения ту радужную товарищескую встречу, которую он оказал мне в 1938 г., когда я, совершенно неизвестный ему писатель, впервые выступая в трудном жанре научной фантастики, обратился к нему, можно сказать, с улицы, за помощью и советом.

Я работал тогда над первым моим научно-фантастическим романом «Победитель недр», посвященным проблеме использования подземной теплоты и другим проблемам геологии. С необыкновенным увлечением, внимательностью, сердечной теплотой Иван Михайлович отнесся к моей работе, читал и переписывал рукопись, вносил поправки, вместе со мной разрабатывал новые варианты эпизодов романа в связи с новыми подсказанными им геологическими ситуациями, набрасывая схемы геологических разрезов земных недр на неизведанных еще больших глубинах.

Забыв о новых юных кадрах в его энтузиастической науке — геологии, о будущих строителях нашей социалистической геологической родины, ставшая его с радостью отдавая моей рукописи короткие часы своего отдыха, находил время для работы со мной.

Не могу сейчас передать той атмосферы задушевности, того обаяния большого, светлого человека, которые я чувствовал в часы общения с Иваном Михайловичем. Поражала его необыкновенная чуткость к особенностям восприятия детского читателя, его постоянная работа о легкой простоте и в то же время точности подачи детям научного материала. Необыкновенный талант настоящего педагога (перед поступлением на 32-м году жизни в горные училище Иван Михайлович окончил учительскую семинарию и несколько лет был сельским учителем) раскрывался передо мной во время этих незабываемых встреч.

Светлый, всегда молодой образ ученого, страстного энтузиаста науки, большого, обаятельного человека, всегда будет стоять передо мной, советским писателем, в моей творческой работе.

Гр. АДАМОВ.

Письмо в редакцию

В двенадцати километрах от Алексин, Тульской области, на правом берегу реки Мышеги, находится деревня Богимово. На противоположном берегу среди зеленых высятся большие двухэтажные дома.

Два ряда могучих стройных лип, со сплетенными верхушками, отделяют старый парк, находящийся позади дома, от фруктового сада. В этой усадьбе, когда-то принадлежавшей помещику Былину Колосовскому, прожил лето 1891 года вместе со своей семьей А. П. Чехов.

«Я познакомился с неким помещиком К. (т. е. В. Колосовским) и нанял в его заброшенной поэтической усадьбе верхний этаж большого каменного дома, — сообщал в письме Суворину Антон Павлович. — Что за прелесть, если бы вы знали! Комнаты громадные, как в благородном собрании, парк дивный, с такими аллеями, каких я никогда не видел, река, пруд, червяк для моих стариков и все, все удобства. Цветет сирень, яблоня, одним словом — табак!»

В Богимово Чехов работал над рядом своих значительнейших произведений — повестью «Дуэль», рассказом «Баба» и книгой о Сахалине.

«Дом о мезонине» (1896 г.) — рассказ, на котором сказались пребывание Чехова в Богимово. Некоторых жителей этого имения Чехов изобразил в рассказе (например, Былин-Колосовский изобразил помещиком Белокуровым, художник А. А. Киселев — пейзажистом, от лица которого ведется рассказ).

Для описания имения Волчанниновых в рассказе Чеховым использованы две соседние с Богимовым усадьбы: дом с мезонином находился в дер. Спешаловке, а аллеи, которые вела к нему, и остальные обстановки — в дер. Давылово.

Теперь дом этот уже давно разрушен, от аллеи тоже осталось немного. Вместе с ними исчезло единственное, что напоминает в Богимово о А. П. Чехове. В этих местах, где Чехов так упорно и плодотворно работал, нет ничего, что гордило бы о пребывании здесь великого писателя. Лишь старые колхозники помнят Чехова.

Чеховские места в Богимово надо сохранить.

К. ТАРНОВСКИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ,
КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ЛИТФОНД СССР ОТКРЫВАЕТ ДОМА ОТДЫХА ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ:

1. В ГАГРАХ (Абхазия) с 15/V с. г.
2. В КОКТЕБЕЛЕ (Крым) с 1/VI с. г.

Справки по телефону: К 0-49-18.
Санаторный отдел Литфонда.

ХРОНИКА

* Калининский театр юного зрителя показал пьесу М. Даниэля «Изобретатель и комедия» в постановке Н. С. Градовского. На спектакле присутствовал автор пьесы. После просмотра спектакля состоялся творческая беседа М. Даниэля с коллективом Калининского театра.

* При Государственном Литературном музее организована комиссия по изучению жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. В задачи комиссии входит содействие исследовательской работе по Мамину-Сибиряку и пропаганда творчества писателя. Состоялось уже два заседания комиссии. В мае предполагается устроить вечер памяти Мамина-Сибиряка.

* Свердловское областное издательство отплатило в специальном оформлении на Нью-Йоркскую выставку книгу П. Бажова «Малахитовая шкатулка».

* В Ленинградском Литературном музее приобрели интересные документы, иллюстрирующие отношение царского правительства к М. М. Коцюбинскому.

* В Иркутске во Дворце труда состоялся очередной литературный вечер Иркутского отделения ССП. На вечере о творческом отчетом выступил писатель Г. Марков, автор романа «Строгины».

* Работники Рязанской областной библиотеки им. А. М. Горького при разборе книжного фонда обнаружены редкие экземпляры газеты «Московские ведомости» за 1798 год.

Газеты переплетены в одну большую книгу, представляющую годовую коллекцию, содержащую 103 номера (более 2000 страниц).

* К 70-летию рождения народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского союза писателей Дагестана выпускает избранные произведения дагестанского ашуга на аварском, ласком, кумыском, татском и даргинском языках.

Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы составил и сдал в печать «Сборник материалов и документов о жизни и деятельности Сулеймана Стальского».

В сегодняшнем номере «Литературной газеты» 4 стр.

НЕГОДНЫЕ МЕТОДЫ РУКОВОДСТВА

Семь лет тому назад, в июне 1932 г., на чрезвычайном с'езде писателей Грузии, созванном после исторического решения ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций (от 23 апреля 1932 г.), было избрано правление с численным составом членом чуть ли не в 50 человек. Но это правление не в какой мере на судьбу литературной жизни Грузии не влияло. Писатели, да и сами работники аппарата союза с трудом припоминают, когда и по какому поводу собралось это правление в последний раз. И удивляться этому не приходится, тем как с тех пор прошло уже почти два года!

Семь лет тому назад был избран также и президиум союза советских писателей Грузии. За этот длительный срок он ни разу не переизбирался. Зато широко проводилась давно осужденная практика кооптации, которая привела к тому, что в нынешнем составе президиума избранные уже составляют меньшинство. О деятельности президиума можно судить хотя бы по такому красноречивому факту, что созывался он в последний раз... в декабре прошлого года.

А ведь союз советских писателей Грузии имеет в своем составе большой отряд выдающихся мастеров слова, пользующихся законным признанием и популярностью в нашей стране. И грузинская литература обогатилась за последние годы не малым числом новых крупных и интересных произведений поэтов, прозаиков, драматургов. Творческие же вопросы, живые явления грузинской советской литературы остаются вне поля зрения президиума. Как правило, он занимается рассмотрением и утверждением квартальных планов работы секций союза, которые, увы, как правило, никогда не выполняются, а с маленькими поправками вновь утверждаются на очередном квартальном заседании президиума.

Таковы факты. Это положение отражается и на работе секций, бюро которых также собираются только для утверждения планов. За выполненем же их никто из членов бюро не следит и никакой ответственности не несет.

О том, что практика «единоличного хозяйничанья» в большом почте в союзе

советских писателей Грузии, свидетельствует и тот факт, что ни один из органов печати союза: газета «Литератураи саккартведо» («Литература Грузии») и журналы «Мнаობი» («Светоч») и «Чвени табоба» («Наше поколение») не имеют редакционных коллегий. Работа этих органов печати всецело строится на основе личных вкусов и взглядов их ответственных редакторов.

Сильно отстающим участком в работе союза является руководство молодыми начинающими писателями. Президиум и секретариат союза фактически устранились от этой важнейшей задачи, переложив всю воспитательную работу с молодыми кадрами на редакцию журнала «Чвени табоба». Молодые писатели Грузии лишены квалифицированной консультации и творческой помощи. Плохо или, вернее, совсем не руководит союз писателей своими периферийными организациями: союзами писателей Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии и немогучей редакционной организацией г. Кутаиси. За последнее время с ними ослабла связь даже в письменной форме, не говоря уже о живом руководстве и творческой помощи.

В результате негодных методов руководства литературными дискуссиями, творческими вечерами, обсуждением актуальных литературных проблем стали в союзе советских писателей Грузии редкими явлениями.

Во время торжественного открытия клуба писателей, четыре месяца тому назад, декларировались большие программы творческой и идейно-воспитательной работы среди писателей. Но из этих хороших планов и пожеланий осуществлено пока очень и очень мало, хотя казалось бы, что именно сейчас можно было ожидать большого оживления и активизации в работе союза писателей. Ведь нет сомнения, что в связи с XVIII с'ездом ВКП(б) у такого значительного отряда советской интеллигенции, каким являются советские писатели Грузии, есть немало давно назревших волнующих творческих вопросов, которые требуют внимания всей писательской организации.

Следует сказать, что и партийная организация ССП Грузии (секретарь т. С. Зули) работает без всякой инициативы. Достаточно привести такой факт: пропагандистская работа передовых... клубу.

Отсутствие товарищеской самокритики и особая нелюбовь к критике в аппарате союза советских писателей Грузии мешают плодотворной творческой работе союза.

В. ГОЛУБЕВА.

ТБИЛИСИ. (От нашего специального корреспондента).

В. Голубева.

Тбилиси.

От нашего специального корреспондента.

В. Голубева.

Тбилиси.

От нашего специального корреспондента.

В. Голубева.

Тбилиси.

От нашего специального корреспондента.

В. Голубева.

Тбилиси.

От нашего специального корреспондента.

В. Голубева.

Тбилиси.

От нашего специального корреспондента.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР
ГЛАВПАРФЮМЕР

СИРОИНАЛЬ
ХОРОШЕЕ СРЕДСТВО
ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ВОЛОС И ОТ ПЕРХОТИ
ВЫПУЩЕНО ОТДЕЛЬНО
ДЛЯ СУХОЙ И ЖИРНОЙ КОЖИ

ТРЕБУЙТЕ
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГЛАВПАРФЮМЕРА И АПТЕКАХ.